

Глава 2

Прохладные пальцы коснулись мочки уха Цзинчжэ, а затем ладонь полностью накрыла ухо.

В тот же миг в ушах у Цзинчжэ зашумело, словно река хлынула вспять. Но, прислушавшись, он понял, что это просто кровь застучала в висках. Лицо его предательски вспыхнуло.

— Господин... господин стражник...

Цзинчжэ не заметил, как задрожал его голос. Странное прикосновение вызывало мороз по коже, и ему отчаянно хотелось бежать.

Если бы только эта дверь была не так плотно затворена!

Он сглотнул и, дрожа, повернулся лицом к непроницаемому лицу стражника.

— С... с вами всё в порядке?

Стражник холодно посмотрел на него:

— Почему ты решил... что со мной что-то не так?

...Неужели всё в порядке?

Ваши пальцы всё ещё на моём ухе!

Но стражник смотрел на Цзинчжэ так, будто тот был уже мертвецом.

В любой другой ситуации Цзинчжэ бы забеспокоился. Он всего лишь евнух, и ссориться со стражей, патрулирующей дворец, было чревато неприятностями.

Но сейчас, видя такое холодное безразличие, Цзинчжэ был так рад, что едва не расплакался.

Холодность — это хорошо! Чем холоднее, тем лучше!

Его голос заметно повеселел:

— Всё в порядке, всё в порядке, господин стражник! Я просто поссорился с другими слугами и, чтобы избежать их, спрятался здесь. Простите за беспокойство, я сейчас же уйду.

Он отчётливо проговорил это и с надеждой посмотрел на руку, всё ещё лежавшую у него на плече.

Стражник медленно убрал руку. В глазах Цзинчжэ мелькнула радость, и он уже собрался уходить, как услышал холодный голос:

— Где служишь?

Цзинчжэ очень не хотел отвечать.

В отличие от слуг из дворца Чэнхуань, этот стражник выглядел необычно. Если он узнает, откуда Цзинчжэ, это может повлечь за собой лишние проблемы.

Но он также понимал, что ложь принесёт ещё больше бед.

— Я служу в Северных покоях.

Взгляд стражника стал ещё острее. Под этим взглядом Цзинчжэ почувствовал себя неуютно. Стиснув зубы, он продолжил:

— Если... если я сделал что-то не так, прошу, укажите или накажите меня. — Он приподнял коробку с едой. — Мне нужно спешить, господа ждут угощение.

Стражник не ответил. Вместо этого он протянул руку и снял с пояса Цзинчжэ его опознавательную бирку.

Цзинчжэ не волновался.

Бирка была настоящей.

Осмотрев её, стражник не стал задерживать и бросил обратно. Цзинчжэ поймал её и осторожно спросил:

— Тогда... я пойду?

Стражник уже повернулся и пошёл к храму.

— Заходи со мной.

Цзинчжэ мысленно вздохнул.

Так и знал, что так просто не отделаться...

Мгновение спустя они оба стояли в небольшом храме.

Цзинчжэ никогда здесь не бывал. Да и не только здесь — весь комплекс зала Фэнсянь был для него незнакомым местом.

Войдя внутрь, он был поражён царившим там беспорядком.

Это был малый храм при зале Фэнсянь. Даже если здесь поминали не самых важных персон, поминальные таблички и подношения не должны были валяться на полу.

Какое кощунство!

— Убери здесь, — приказал стражник.

Для Цзинчжэ уборка была самым простым делом. Проблема заключалась в том, что этот стражник явно был не из простых, да и беспорядок в храме наводил на подозрения...

Но, похоже, на этого стражника не действовали те два странных «бафу». И это было большой удачей. Иначе Цзинчжэ сейчас пришлось бы лезть на стену, лишь бы выбраться отсюда.

Те преследователи действительно его напугали.

Цзинчжэ, стоявший спиной к двери, не видел, как прислонившийся к стене мужчина следит за ним тёмным, горящим взглядом.

Пыли в храме не было, очевидно, здесь регулярно убрали.

Цзинчжэ нужно было лишь навести порядок на алтаре. Он разложил фрукты обратно на блюда, поставил на место упавшие подсвечники и только тогда заметил, что несколько поминальных табличек тоже лежат лицом вниз.

Он нахмурился, привёл в порядок всё остальное, вытер руки и принялся поднимать таблички.

Но когда он увидел имена, вырезанные на них, его руки замерли.

Он никак не ожидал увидеть здесь поминальную табличку покойной императрицы. Покойная императрица, посмертно наречённая Вдовствующей императрицей Цышэн, была родной матерью нынешнего императора Цзинъюаня.

Но её называли покойной, потому что она не дожила до дня, когда её сын взойшёл на трон.

Она умерла, когда Цзинъюань был ещё ребёнком, и покойный император взял в жёны новую императрицу. Взойдя на престол, Цзинъюань почтил свою мать титулом Вдовствующей императрицы Цышэн и отвёл для неё дворец Цынин. Его мачехе, нынешней Вдовствующей императрице, пришлось довольствоваться дворцом Шоукан.

Дворец Шоукан, хоть и был новым и удобным, находился слева от дворца Цынин и уступал ему в величии и статусе, напоминая скорее флигель, чем главные покои, что было унижительно.

Поступок Цзинъюаня, разумеется, вызвал недовольство.

В начале его правления придворные неоднократно выступали против, а самые смелые прямо обвиняли императора в непочтительности.

Сыновняя почтительность была основой правления, а Цзинъюань, воспитанный мачехой более десяти лет, поступал вопиюще.

Возражения чиновников были ожидаемы.

Неожиданным было то, что Цзинъюань приказал отрубить им головы. И выставить их на ступенях дворца для всеобщего обозрения.

Каждый утренний приём при дворе был пропитан тошнотворным запахом гниющей плоти, и это продолжалось до тех пор, пока Вдовствующая императрица не вмешалась и не поговорила с Цзинъюанем. Только после этого головы и тела «воссоединились с семьями».

Жестокость Цзинъюаня была очевидна.

Во дворце люди умирали часто, особенно во дворце Цяньмин. Служить императору было смертельно опасно. Если при прежних династиях это было лишь страшилкой для новичков, то при Цзинъюане стало суровой реальностью.

— Ты грамотный?

Вопрос вырвал Цзинчжэ из раздумий. Поблуднев, он быстро расставил таблички, повернулся и осторожно ответил:

— Лишь немного, не стоит упоминания.

Большинство слуг во дворце были неграмотны. Это не было правилом, но считалось негласным

порядком.

До поступления во дворец родители Цзинчжэ лелеяли его, как сокровище, и с малых лет учили грамоте. Он несколько лет посещал школу.

Стражник, казалось, не обратил внимания на его слова.

Мгновение спустя он решительно шагнул к Цзинчжэ. Услышав шаги за спиной, Цзинчжэ обернулся, и две прохладные ладони легли на его щёки. Движение было странным, грубым и неуклюжим.

Цзинчжэ замер от неожиданности. Опомившись, он схватил стражника за руки и взволнованно спросил:

— Господин стражник, что вы делаете?

Неужели это тот самый «тактильный голод»?

Цзинчжэ, привыкший к тяжёлой работе, был не из слабых, но как он ни старался, не мог оттолкнуть стражника. Наоборот, от этого близкого контакта зрачки мужчины потемнели, став похожи на клубящуюся предсмертную дымку.

Он рывком распахнул воротник Цзинчжэ и просунул руку под одежду.

От внезапного прикосновения по коже пробежали мурашки. Цзинчжэ оцепенел от ужаса.

— Очнитесь... то есть, успокойтесь, не трогайте меня, вы пожалеете...

Р-раз!

Он не успел договорить. От следующего движения стражника он прикусил язык и издал жалобный стон.

Конец.

Цзинчжэ захотелось умереть.

Этот проклятый «бафу» действительно сработал. Даже этот холодный и бесстрастный стражник пал его жертвой.

Хуже всего было то, что стражник был словно из камня, и Цзинчжэ не мог его сдвинуть.

Ш-шарх! Хруст!

Его с силой толкнули на алтарь. С таким трудом расставленные подношения покатались на пол, пачкаясь в пыли.

Голова Цзинчжэ гудела. Тело обмякло, как у змеи, и ему по-прежнему хотелось умереть.

Честно говоря, движения стражника не были грубыми или похотливыми.

Он просто снова и снова, навязчиво, водил руками по его телу.

От шеи к талии.

От дрожащего живота к изгибу позвоночника.

Снова и снова.

Прохладные ладони раскалились.

Кожа горела и покраснела от трения.

Под тихий шорох одежды Цзинчжэ не мог сдержать дрожь. Мурашки бегали по телу, словно он был добычей, схваченной за загривок.

Чувство бессилия было настолько пугающим, что, когда мужчина за его спиной вдруг замер и отстранился, у Цзинчжэ подкосились колени, и он рухнул на пол.

Он вцепился в ножку алтаря так, что пальцы побелели. Поняв, что всё закончилось, он дрожащими руками принялся запахивать разорванную одежду, мечтая потерять сознание.

Он прятался и выживал все эти годы, и никогда не думал, что с ним может случиться такое. К ужасу примешивался невыносимый стыд и гнев.

Дрожали даже пальцы, но он до крови закусил губу.

Иначе он бы закричал. Это... это не вина стражника... виной всему тот нелепый, абсурдный «бафу».

По крайней мере... его тайна не раскрыта. Если поднять шум, ему же будет хуже.

Он с трудом сглотнул ком в горле.

Несколько раз глубоко вздохнув, Цзинчжэ кое-как успокоился и тихо проговорил:

— Уходите, пожалуйста. Я здесь всё уберу. Уйду позже, чтобы вас ни с чем не связали.

После мёртвой тишины послышался шорох шагов. Стражник ушёл.

Только тогда Цзинчжэ позволил себе прерывисто вздохнуть. Спокойствие, спокойствие.

Он повторял это про себя снова и снова. Через некоторое время он кое-как натянул на себя остатки одежды.

[Эффект «Тактильный голод» истёк.]

Этот голос прозвучал как гром среди ясного неба. Цзинчжэ не смог сдержать гнев и выпалил:

— Что это такое? И кто ты такой?

[Это бафф, а не «бафу».]

[Система представилась носителю в день своего появления.]

[Изначально система должна была привязаться к [Хэлянь Дуаню], но из-за ошибки была установлена на носителя.]

[Основная задача системы — возведение на престол [Хэлянь Дуаня]. После ошибочной привязки задача скорректирована: носитель должен помочь [Хэлянь Дуаню] взойти на трон. В случае провала последует наказание.]

Цзинчжэ закрыл глаза. Что за бред.

Имя Хэлянь Дуань показалось ему смутно знакомым. Покопавшись в памяти, он вспомнил — это Тринадцатый принц.

Тринадцатый принц, носящий титул Жуй, был сыном Вдовствующей императрицы из дворца Шоукан.

Этот монстр, называющий себя системой, хочет помочь принцу Жую взойти на трон? Значит, тот замышляет переворот?

Лицо Цзинчжэ, и без того бледное, стало мертвенно-серым.

[Как только вы поможете Хэлянь Дуаню, вы сможете избавиться от системы.]

— А ты не можешь просто убраться?

Цзинчжэ снова закрыл глаза. В конце концов, всё это оказалось роковой «ошибкой».

[Привязка необратима до выполнения задачи.]

Цзинчжэ был в отчаянии. Как он, простой слуга, запертый во дворце, может помочь высокопоставленному принцу?

Это же просто смешно!

К тому же...

Он не хотел этого делать.

В день восшествия на престол Цзинъюаня во дворце царил хаос, но Цзинчжэ ликовал! Сын мачехи не взойшёл на трон, и он был этому несказанно рад. С чего бы ему теперь помогать ему?

Порыв ледяного ветра распахнул полуоткрытое окно.

Цзинчжэ очнулся от своих мыслей и покачал головой.

— Я не согласен.

Одежда на нём была разорвана в клочья. После пережитого потрясения тело ослабло, а спина горела — видимо, её действительно натёрли докрасна. Ему было неудобно, но двигаться не хотелось.

Обхватив колени, он просидел так некоторое время, пока не набрался немного сил.

Внезапно на голову ему упала мягкая ткань, и мир погрузился во тьму.

Цзинчжэ испуганно потянулся, чтобы сбросить её, но его запястье перехватила холодная рука. Грубые пальцы коснулись его обнажённой спины и медленно провели вдоль позвоночника.

— Не двигайся, — произнёс Хэлянь Жун. — Голос звучал холодно.

Его взгляд скользнул по телу Цзинчжэ, дрожащему под наброшенной одеждой. Жалкий, как промокший под дождём щенок.

Напуганный и пристыженный.

В тёмных глазах Хэлянь Жуна плясало искажённое тёмное пламя. Это был очень странный взгляд.

Цзинчжэ с запоздалым ужасом осознал: действие «тактильного голода» закончилось, но эффект «всеобщей любви» — ещё нет!

Ему захотелось биться головой оземь.

<http://bllate.org/book/16993/1580589>